

И.И. Дрёмов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭТНОНИМА «КАЛМАК»

Научные труды В.В. Радлова заложили фундамент для различных направлений ориенталистики, без чего современное востоковедение немислимо. В.В. Радлов являлся выдающимся ученым в таких областях науки, как языкознание, лингвистика, этнография, археология. Написав целую библиотеку классических, порою многотомных трудов, он не был кабинетным ученым. Научные материалы он получал в многочисленных экспедициях на Алтай, в Барабинскую и Киргизскую степи, в Минусинскую котловину, Монголию, Крым, Литву, Вольнь.

В первую очередь имя В.В. Радлова ассоциируется с его достижениями в исследовании тюркских языков, этнографии, фольклора и археологического наследия, но значение их заметно шире. Как сам исследуемый материал, так и территориальный охват его неизбежно отражал переплетение различных культурных, этнических и языковых традиций. Наглядным примером сложных тюрко-монгольских взаимосвязей может служить этноним «калмак». Считается, что это слово тюркского происхождения, имеющее значение «отсталые», «оставшиеся» и т.д., которым тюрки-мусульмане называли язычников-монголов.

Изучение местного тюркского языка В.В. Радлов начал в 1860 г. путем общения с телеутом Чевалковым, которого он вывез в Барнаул и учился у него телеутскому языку. Несмот-

ря на то что телеутский язык относится к алтайской подгруппе тюркской языковой семьи, русские называли телеутов, начиная со знакомства с ними в конце XVI в., «белыми калмаками» («калмыками»), в отличие от монголоязычных ойратов, которых называли «черными калмыками». В.В. Радлов писал, что «теперь все племена, подчинившиеся русской короне, называют себя алтайцами, а племена, находившиеся во власти Китая, а затем возвратившиеся уже как китайские подданные в Россию на свои прежние насиженные места в Восточном Алтае и до 1866 года платившие дань китайцам и русским, — двоеданцами. И алтайцы, и двоеданцы сохранили еще память о своей принадлежности к калмыцкому государству, а поэтому часть их называет себя "калмак" или "ойрот", хотя за последнее время это племенное название все больше забывается. Настоящее название этого народа — теленгиты, или теленгеты, но сохраняется оно лишь в сознании двоеданцев, <...> когда-то алтайские горные калмыки составляли вместе с телеутами обширный тюрко-язычный народ» [Радлов 1989: 123].

Проблема с этнонимом «калмак» заключается не только в том, что этим именем в России называли столь разные народности, относящиеся к различным языковым группам. Остаются спорными и такие вопросы, как происхождение, распространение и семантика этого названия. Вопрос о возникновении этнонима «калмак», «калмык» от тюркского «оставаться», как и о происхождении самих калмыков от западных монголов — ойратов — никогда не вызывал серьезных расхождений и дискуссий. Современные калмыки являются потомками кочевых западномонгольских племен, входивших в союз дербен-ойратов, переселившихся из Западной Монголии и Джунгарии в Казахстан, Южную Сибирь, а затем на Волгу в первой половине XVII в. Обитавшие здесь тюркоязычные народы, а вслед за ними русские и западные европейцы называли ойратов «калмаками», а позднее «калмыками». Сами же волжские калмыки в XVII–XVIII веках называли себя либо по родоплеменной

принадлежности (торгоуты, хошеуты, дербеты...), либо более общим этнонимом — «ойраты» [Бакунин 1995: 20, 22].

Современное самоназвание калмыков — «хальмг», что фонетически ближе всего к калмыцкому «хольмг» — означает «смешанный» [Калмыцко-русский словарь 1977: 595]. В словаре В.В. Радлова приводятся формы: «калмак (среднеазиатские диалекты), калмик (волжские диалекты; отсюда и русское слово) и калмук (османское; отсюда крымско-татарское выражение калмук-и бад-махлук («злонравные калмыки»)) [Радлов 1897: 272–273]. У М. Фасмера калмыки — «зап. монг. народность, населяющая территорию от Нижней Волги до Центральной Азии <...> из тат. *kalmyk*, тур. *kalmuk*, казах., тел., узб. *kalmak*, монг. *xalimак*» [Фасмер 1986: Т. 2: 169].

Общепринятой этимологией названия «калмак» является тюркское «калмак» — «остаток», «оставаться», «отсталый» и т.д. Это значение слова представлено в анонимном произведении XVI в. «Шаджарат ал-атрак», в котором рассказывается о принятии монгольскими кочевниками Дешт-и-Кыпчака ислама. За оставшимися на месте (на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака) закрепилось название «калмаки», т.е. «остаток», «отсталые», а принявшие ислам и переселившиеся в Мавераннахр стали называться «узбеками» и вскоре смешались с тюрками [Тизенгаузен 1941: 207]. В.В. Бартольд, а вслед за ним А.А. Семенов считали эту легенду, а также этимологию этнонима «калмак», фантастичной [Бартольд 2002: 142; Семенов 1954: 13–18]. В связи с биографией хана Узбека калмаки упоминаются также у Утемиш-хаджи, автора первой половины XVI в., в «Чингиз-намэ». Кроме того, в произведении середины XVI в. «Тарих-и-Рашиди» среднеазиатский автор Мухаммад Хайдар сообщал, будто в устных преданиях моголов говорится, что Туглук-Тимур, прежде чем стать ханом Могулистана (1347–1362/1363), т.е. в первой половине XIV в., был привезен от калмаков [Тизенгаузен 1941: 201; Хайдар 1996: 38–39]. Эти предания представляются правдоподобными, если учесть, что предки части узбеков, как и части казахов,

изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычными [Бартольд 2002: 275]. Правда, сведения о ранней истории калмаков Дешт-и-Кыпчака происходят от авторов, живших позже описываемых событий — в XVI в., когда этноним «калмаки» применялся к разным монголоязычным кочевникам, преимущественно к ойратам Монголии и Джунгарии. Но, по всей вероятности, в XIV в. слово «калмак» уже использовалось тюрками в значении этнонима или начинало принимать этническое значение.

Слово «калмак» бытовало в тюркских языках задолго до Узбека. Автор XI в. аль-Кашгари в главном труде своей жизни — «Диван Лугат ат-Турк» («Словарь тюркских языков и наречий») — приводит два значения слова «калмак». Он писал, что к корневому слову прибавляется «мак», в результате чего возникает отглагольное имя. Корень «кал» имеет значение «оставаться» (№ 3336) и «приходить» (№ 3339). В соответствии с этим аль-Кашгари приводит ряд случаев, где используется слово «калмак» в значении «прибытие» (№ 4939, 4977, 5040) [Аль-Кашгари 2006: 502, 510, 789, 796].

В литературном памятнике XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарай, написанном на поволжском, слово «калмак», как и у аль-Кашгари, в качестве этнонима не используется, но для нас может иметь интерес, что Э.Н. Наджип, исследовавший язык Сейфа Сарай, отмечал, что это слово в поэме «Гулистан» является производным от глагола «пришёл» [Наджип 1975: 92]. Также слово «калмак» имеет у Сейфа Сарай значение «оставшиеся»: «Миңа кирәк,-диде,-яр берлә үлмәк, Газаплар берлә *калмак* кемгә кирәк?!» По мнению А.Г. Мухамадиева, слово «калмак» здесь означает «оставшиеся» (в данном случае — с горем)¹.

В узбекском языке слово «калмак» может иметь следующие значения: отставать — калмак; отставка — кеин-калмак; опаздывать — кеч-калмак; опасаться — вахим-кылмак; раз-

¹ Благодарю за консультацию по этому вопросу А.Г. Мухамадиева и Л.Ф. Недашковского.

богатеть — баюб-калмак; увидеть — куруп-калмак; уснуть — ухлаб-калмак и др. [Лапин 1889: 46, 50, 72, 107, 163, 193].

В связи с этим этноним «калмак» изначально мог иметь самое широкое значение, например, при первых продвижениях монголов на запад в тюркоязычную среду «калмак» могло означать «пришлые» и лишь затем получить клерикальное значение, которое приведено в «Шаджарат ал-атрак»: «оставшиеся язычниками». По сути, вся наша уверенность, что название «калмак» имело значение «оставаться», зиждется лишь на одном этом свидетельстве. Более раннее употребление этнонима «калмак» в источниках до XIV в. или по отношению к периоду до Узбека нам не известно, если не считать полуфольклорного повествования Ахсикенди (XVI в.) в «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), в котором говорится об участии калмаков в завоевании каракитаями Средней Азии в начале XII в. [Маджму ат-Таварих 1973: 200–216]. То, что этноним «калмак» не встречается в трудах современников до XIV в., может быть связано либо с отсутствием его до этого времени, либо с тем, что самые ранние тексты, содержащие этноним «калмак», еще не введены в научный оборот.

Существует еще одна версия этимологии и семантики слова «калмак», связанная с обычаем ойратов носить на головном уборе красную кисть, введенном, по монгольскому преданию, после победы над китайцами в 1437 г. Ойраты пленили китайского императора, сорвали с его шапки красную кисть и, разобрав по ниточкам, нацепили на свои шапки. «С тех пор и прозвали ойратов «улан залата халимаг» (от монгольского слова «хальи» — парить: у монголов был обычай, выпуская сокола из рук во время охоты, кричать: «хальи» (пари!)). В честь этой победы от слова «халимаг», по мнению В.Ш. Бембеева, произошло название «калмак» [Бембеев 2006]. Очевидно, описание этого эпизода в монгольских «летописях» имеет фольклорное происхождение, так как этноним «калмак», как уже говорилось выше, существовал задолго до этого события¹. Первоначально

¹ Шереф-ад-Дин Йезди закончил труд над книгой «Зафар-намэ» в 1424–1425 гг. Здесь он говорит о происходивших при нем событиях 1390-х годов,

среднеазиатские народы, а вслед за ними и русские, называли «калмаками» кочевников-язычников Дешт-и-Кыпчака. Впоследствии они перенесли это название и на дербен-ойратов (ойрат-калмыков) Монголии и Джунгарии, начавших совершать набеги на юго-восток Средней Азии в начале XV в., а продвигаться на запад, в казахские степи и Поволжье, в начале XVII в.

В изучении продвижения калмыков к Волге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, общеизвестен факт, что первые встречи русских с ойрат-калмыками произошли в 1606–1608 гг. [История Калмыкии... 2009: 260–265], с другой стороны, самым ранним русским документом о калмаках считается указ Ивана IV от 1574 г., приведенный в Строгановской летописи и повелевающий торговать с бухарцами и калмаками беспошлинно [Там же: 258–786].

С одной стороны, чуть ли не по годам расписано продвижение ойрат-калмыков к Яику и Волге, в результате которого в 1613 г. ногайцы, возможно, впервые столкнулись с ними [Пальмов 2007: 370], и лишь с 1630–1632 гг. ногайские кочевья стали подвергаться их нападениям регулярно [История Калмыкии... 2009: 289; Колесник 2003: 43, 44]. С другой стороны, ногайцы отражают натиск калмаков еще в 1535, 1556, 1560, 1578 гг. [Посольские книги 1995: 128; Трепавлов 2002: 122, 371, 372; Колесник 2003: 39–40; Дрёмов 2012: 104–117]. Такое возможно, если речь идет либо об одном народе, расселенном дисперсно на разных территориях, либо о разных этнических группах с одинаковым названием, либо в случае часто повторяющихся набегов ойрат-калмыков далеко на запад. Однако ойраты в XVI в. не могли совершать непрерывные походы на запад, так как в это время их дальнейшая судьба решалась в борьбе с восточными монголами далеко к востоку от Средней Азии и Казахстана. Походы на запад Азии и восток Европы должны были найти отражение в источниках, но пока в других произведениях время появления калмаков связано с правлением Узбек-хана в 1320-х годах.

добных сведений нет ни в монгольских хрониках, ни в сообщениях соседних оседлых народов.

В то же время в русских источниках встречаются отдельные упоминания о калмаках задолго до первой встречи с ойрат-калмыками в 1606—1608 г. До настоящего времени первым сообщением о калмыках в русских летописях считается хрестоматийная фраза из Строгановской летописи, в которой цитируется указ от 30 мая 1574 г. Ивана IV, предписывавший Строгановым торговать с калмыками и другими народами беспошлинно: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно» [Сибирские летописи 2008: 54].

При традиционном толковании этот документ сам по себе труднообъясним, так как из него следует, что царь предписывает предпринимателям, начинающим еще только освоение Урала, торговать с народом, который даже далеко на востоке, в Сибири, появится лишь через несколько десятилетий. Очевидно, что в указе имелись в виду калмаки, жившие не в Монголии, а в Дешт-и-Кыпчаке. С освоением Пермского края открывались новые торговые пути на Бухару через Южный Урал и Мугоджары. Дорога эта проходила через земли казахов и калмаков, поэтому в указе казачья орда, калмыки и бухарцы связаны. Строгановы начинали осваивать новые для России земли Пермского края в Предуралье, калмаки находились к югу от Уральских гор — на полпути от Пермского края до Бухары. Поэтому они и упоминаются вместе в одном документе.

Фактически на Руси калмаков знали и соприкасались с ними задолго до первой встречи с ойрат-калмыками в начале XVII в. Самым ярким и неожиданным подтверждением наличия калмаков в Золотой Орде является свидетельство о них в Лихачёвском летописце (ок. 1487 г.) при описании «стояния на реке Угре» в 1480 г.: «Со царем братаничь его царь Касим, да б сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и **колмаки**, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»

(цит. по: [Зайцев 2006: 45]). Это одна из самых ранних Великокняжеских летописей [Казакова 1979: 253–256]. Безусловно, в ней речь идет не об ойратах западной Монголии, а о кочевниках Золотой Орды, калмаках Дешт-и-Кыпчака.

Место обитания калмаков указано в «Книге Большому Чертежу», переписанной в 1627 г. с оригинала, который «сделан был давно, при прежних государях». В ней говорится, что «промеж реки Кендерлик и реки Сарысу, козатская кочевая орда, да **КОЛМЫКИ**» [Книга Большому Чертежу... 1838: 217]. Может вызывать сомнения датировка этого сообщения, так как к 1627 г. ойраты уже продвинулись в казахские степи, но в сборниках новгородской Софийской библиотеки находится текст, датированный 1506 и 1523 гг. и содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевризи, Грузустани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирьябы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Саран, Азов, **Калмакы**, Ногаи, Шибаны, Казань» [Казакова 1979: 253–256].

До слов «Орда Большая» этот список полностью повторяет перечень стран, завоеванных Тамерланом, в «Повести о Тимур-Аксаке», появившейся в начале XV в., в который земли «Большой Орды» не включались. Автор начала XVI в., как видно из списка, «Калмакы» (землю калмаков) включил в перечень татарских земель Большой Орды, наряду с Крымом, Астраханью, Сараем, Азовом, Ногаями (Ногайской Ордой), Шибанами (земли узбеков) и Казанью (Казанским ханством). Очевидно, что известные на Руси калмаки — это не ойраты Западной Монголии, а этнос, находившийся на татарских, т.е. на золотоордынских землях, соседствовавших с русскими княжествами.

Соседство с калмаками оставило след в ономастике северо-западной Руси, где имена Калмык и Колмак имели в XVI в. широкое распространение. В «Ономастиконе» академика

С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль» [Веселовский 1974: 95]. Это неканоническое имя встречалось даже среди помещиков и бояр: «Иван Колмак Ондреев сын Хорламова, помещик в Черенчицком погосте, 1539; Колмак Иванов сын Старков, боярский сын в Твери, 1585 [Мосин 2000: 88]. В списках расходов Кирило-Белозерского монастыря в 1603–1606 гг. упоминаются Колмак Колкацкий и Никифор Колмак [Никольский 1910: 649, 641, 787]. О Колмаке Иванове сыне Старкова в писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии говорится, что он никому не служит — ни царю, ни князю [Писцовые книги XVI века 1877: 188]. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак [Список опричников... 2003]. В Новгородской «Записной книге крепостным актам XV–XVI вв.» написано в 1597 г.: «Дал детей своих старинных крепостных: Левонтия Иванова сына, прозвище Калмак» [Записная книга... 1898: 33].

В связи с этим фамилию Калмаков или Колмаков в русской глубинке первой половины XVII в. также следует связывать не с началом проникновения ойрат-калмыков, а с предшествующим наследием: «Колмаков Мишка Микитин сщ. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин 1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29» [Сторожёв 1997: 168]; «Тренка Колмак, кормитца огородом; длина двору и огороду 49 сажен, а поперег 9 сажен (1623–1626 гг.) [Васильев 1993: 156]. Даже далеко на северо-западных границах Руси в начале XVII в., когда ойраты лишь начинали свое продвижение к Волге с верховий Иртыша, в грамоте Кольского воеводы В.Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре **Колмакове**, целовальнике для сбора дани с лопарей в Терской

и Кончакской Лопи (к северо-западу от Кольского полуострова) [Русские акты... 1897: 423].

Чаще всего антропоним «Калмак» считается производным от эпонимного этнонима [например: Федосюк 2006: 111; Королёва 2006: 66; Усманова 1994: 272 и др.], но высказывалось и иное мнение: «Эта фамилия имеет финно-угорское происхождение. Если Вы заглянете в большой финско-русский словарь, то увидите, что корень kolma- означает "три, триаду или троичность". Имя Колмак встречается в XV—XVI веках в северо-западных русских землях, где пришлое древнерусское население смешалось с финно-уграми. Никаких калмыков в те времена еще в русских землях не знали. <...> Колмаков В.Б.» [<http://clonmishuta.narod.ru/list/10.html>]. К приведенному автором финно-угорскому «колма» («три») можно добавить мордовское «калма» («могила»). Таким образом, из финно-угорских языков можно вывести оба варианта имени: и «Колмак», и «Калмак». При кажущемся правдоподобии такого объяснения производные фамилии должны звучать Калмов или Колмов с возможными вариантами: Калмачёв, Калманов, Калматов и т.д, но вовсе не обязательно Калмаков. Стабильное звучание имени Калмак или Колмак указывает на его происхождение от этнонима.

Встречался антропоним Колмак и в Крыму, где трудно предположить его финское происхождение: «1559 год <...> на память Петра чудотворца, Киевского (вар.: митрополита Киевского) всеа Руси, приехали ко царю и великому князю два черкашенина, Асак (вар.: Асан, Л.) да Али, да два крымца, Сар да **Колмак** (вар.: Сардакол, Мак, Л.)» [Летописец Русский... 1895: 117]. Через 10 лет в 1569 г. уже из Москвы в Кафу (Феодосию) были посланы рязанские казаки **Колмак** и Ширяй с тайной грамотой от дьяка Ивана Михайловича Висковатого [Садиков 1947: 154–160; Прокофьев 1988: 189].

Имя Калмак встречается не только в северо-восточных — финно-угорских — территориях, но и в южных и юго-западных землях: в Запорожье, Путивле, Рязани, Тамбове. «Федор Ми-

хайлов сын Колмак Черепов. Путивль. 1626 г.» [Сборник... 1881: 514–515]; «в прошломъ государи, в 1616 году дал вкладу в приписной мой Николаевский Черниевъ монастырь Матвей Нестеровъ Колмаков вотчину свою на реке на Хопре» [Молчанов 1914: 88]; **Коломак** Марк Пушкаренко в войске Запорожском (1659 г.) [Тупиков 1903: 190]. В Бессарабии имеется древний дворянский род Колмуцкий [Алфавитный список... 1901: 15]. Фамилия Калмуцкий, возможно, существовала также у украинских армян. Армянская колония на Украине появилась еще в Золотой Орде или в Домонгольское время. Украинские армяне-кыпчаки пользовались кыпчакским языком и армянским алфавитом. Сохранились немалочисленные документы XVI–XVII веков, преимущественно протоколы армянского суда, но встречаются религиозная литература и летописи [Гаркавец 2002: 5–9]. В одном из подзаголов документа, датированного 15 мая 1684 г., имеется фамилия Калмуцкий: «Kalmuckiy da Hazar Aksent oğlu» («Калмуцкий и Хазар, сын Аксента») [Гаркавец 2002: 771]. Данный документ относительно поздний, но имеются неопровержимые данные, что о калмаках Дешт-и-Кыпчака в XVI в. знали не только на Украине, но и в Западной Европе задолго до первой встречи русских с ойрат-калмыками.

В архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике», в документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря говорится о калмыцкой узде: «Господару его милости, великому королю Жикгимонту привёл еси, с Киева два кони, у двадцать коп гроше, а седла на них у шесть гривен; а узды на них Колмацкие, у гривну» [Литовская Метрика 1903: 740].

Английский путешественник Антоний Дженкинсон в 1558 г. указал, что калмыки живут у истоков р. Эмба (т.е. в горах Мугоджары) и далеко к северу от Средней Азии [Английские путешественники... 1937: 90]. Матвей Меховский в 1521 г. сообщил о **язычниках калмуках** с длинными волосами к востоку от Волги [Меховский 1936: 62]. Антоний Вид на карте, опубликованной в 1537 г., поместил на своей карте калмуков к северо-

востоку от дельты Волги и около Kalmucky написал, что они носят длинные волосы [Кордт 1899: 9]; Себастьян Мюнстер в 1550 г. помечал на своей карте калмыков между Яиком и Иртышом [Кордт 1899: 7].

На карте Европы, составленной Г. Меркатором в 1544 г., калмуцкие татары (*kalmucki tartari*) нанесены северо-восточнее ногайских татар (*nagai tartari*), рядом с казаками татарами (*kasakki tartari*), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте современных Мугуджар. На картах начала XVII в. к востоку от Волги также помещены калмаки, которые не могли быть ойратами Джунгарии, так как ойраты к этому времени еще не продвинулись так далеко на запад. На карте Й. Хондиуса 1606 г. далеко на севере близ океана к востоку от Югории обозначены колмаки (*Colmak*), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмуцкие татары (*Kalmucki Tartari*) и они же — еще восточнее. На карте Г. Герритса 1613 г. калмуки (*kalmucki*) нанесены на севере Каспийского моря к востоку от р. Яик рядом с туркменами [Кордт 1899: 10–80].

Возможно, что самым ранним, хотя и искаженным отображением названия калмаков на картах и в целом в европейских источниках является загадочная надпись на карте Фра-Мауро 1459 г. на р. Итиль, севернее сближения Волги с Доном, т.е. в месте расположения современных Камышина или Саратова: «*Calmuzi saga*» [Пачкалов 2007: 311–318]. Такое название со значением «калмуцкий караван-сарай» или «калмуцкий дворец» вполне возможно на торговом пути по Волге, тем более что через два десятилетия, как говорилось выше, калмаков отмечает Лихачёвская летопись на р. Урге [Покровская 1975: 28–32]. В 1474–1475 гг. Антонио Контарини, находясь в Астрахани, отметил, что «есть, говорят, еще другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких Татар. <...> Иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда» [Библиотека... 1836: 98–99]. Очевид-

но, что речь идет о калмаках, так как все авторы единодушно называют их главное отличие от татар — длинные волосы. Не опровергает этого и то, что Контарини называет длинноволосых кочевников татарами, так как калмыцкими татарами называли их и последующие европейские авторы. Термин «татары» у русских имел самое широкое значение. В.В. Бартольд отмечал: «Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отуречивания всей страны» [Бартольд 2002: 143]. Калмыцкими татарами продолжали называть и волжских калмыков в XVII—XVIII веков, например Эвлия Челеби, Адам Олеарий и другие (см., напр.: [Олеарий 2003: 335]).

Имеющиеся источники свидетельствуют не об эпизодических продвижениях ойрат-калмыков в Дешт-и-Кыпчак, а о постоянном проживании калмаков на окраинах Улуса Джучи со времени Узбек-хана вплоть до начала продвижения на эти территории ойратов в начале XVI в. Место их постоянных кочевий определяется к востоку от Волги, Яика и Эмбы в степях Казахского мелкосопочника (Сары-Арка). В соответствии с «Чингиз-намэ» Утемиш-хаджи Узбек-хан прибыл на Волгу для захвата власти в Золотой Орде из Улуг-Тага [Утемиш-хаджи 1992: 105]. Из труда анонимного автора середины XV в. «Родословие Турок» («Шаджарат ал-атрак»), вероятно, следует, что из этих же районов Дешт-и-Кыпчака через восемь лет после прихода к власти часть язычников-калмаков была обращена Узбеком и «святым Зенги-Ата» в ислам и выведена в Мавераннахр. Обращенные стали называться узбеками, оставшиеся — калмаками [Тизенгаузен 1941: 207]. О проживании калмаков в районе горы Улуг-Таг (Улугтау) и в долине спадающей с него р. Сарысу в XVI в. (т.е. задолго до прихода сюда ойратов из западной Монголии) свидетельствует ряд источников.

В.В. Вельяминов-Зернов в исследовании о касимовских царях и царевичах опубликовал имевшуюся у него рукопись Хафиз-и-Таньша «Абдулла-намэ», в которой повествуется,

как бухарский Абдулла-хан совершил «знаменитый поход свой, известный под именем Улуг-тагского», в 1582 г. совместно с казацким (казахским) Шига́й-ханом и его сыном Тевекелем против Баба-султана в Дешт-и-Кипчак. Действие происходит в горах Улугтау, на реках Сыр-Дарья, Сарысу и Кендерлик близ «могилы Джучи-хана» и вплоть до притоков р. Ишим. В тексте говорится, что Шига́й-хан, «выросший в степи, правил казаками, а его сын Тевекель славился на весь Дешт-и-Кыпчак» [Вельяминов-Зернов 1864: 302–304]. Как отмечал В.В. Бартольд, «поход сопровождался страшным кровопролитием, о чем говорится в надписи на скале в Джизакском (Джиланутинском) ущелье» (в горах Памира между Самаркандом и Ташкентом) [Бартольд 2002: 220]. О составе войска Баба-султана не говорится, но калмаки в нем находились, так как «двух из находившихся при нем калмаков» Баба-султан послал с заданием в Туркестан [Вельяминов-Зернов 1864: 313].

По всей вероятности, об этом же событии рассказывал автор начала XVII в. Мухаммед Юсуф Мунши. В его «Муки́м-ханской истории» говорится, что Абдулла-хан в год мыши (1588 г.) вел военные действия в Иране, когда до него дошло известие, что в пограничных областях Дешт-и-Кыпчака началось восстание. Он направился с войском на восставших ара́льков (в данном случае — кочевников Приаралья) [Мунши 1956: 66, прим. 102] и разгромил их. «В силу этого происшествия ханы и султаны Кашгара, непокорные киргизы, калмыки и мятежники Дешт-и-Кыпчака до Китайского Дербенда и Улугтага <...> все склонили лица покорности» [Там же: 66]. Г.Е. Грумм-Гржимайло, анализируя данный эпизод, писал, что «Абдулла-хан с узбеками вторгся в Кашгарию, но из-под Яркенда должен был вернуться обратно; оттуда перешел в Кипчакскую степь, доходил до Улуг-тага и Кичик-тага и разбил казаков и калмыков, которых и обложил ежегодною данью» [Грумм-Гржимайло 1926: 626].

Абдулла с союзными казаками одержал победу над Баба-султаном, Шига́й-хан вскоре после похода умер, Тевекель, как

мы знаем из его переписки с русским царем, стал называться после этих событий «царем казачким и калмацким», а над калмаками поставил своего брата Шах-Магомета. Будучи по происхождению джучидом, Тевекель, подчинивший казахов и калмаков северо-восточного Дешт-и-Кыпчака, стал претендовать на власть в Средней Азии, но в 1598 г. умер [Вельяминов-Зернов 1864: 101, 302–304].

Известные нам свидетельства о калмаках пока не дают материалов о языковой и этнической принадлежности калмаков Дешт-и-Кыпчака. Об их культуре известно, что калмаки были кочевниками-язычниками и, в отличие от татар, носили длинные волосы. Кроме того, Утемиш-хаджи писал, что во времена Узбека калмаки в Улуг-Таге выражали скорбь такими же словами, как и во время написания «Чингиз-намэ», т.е. в начале XVI в. [Чингиз-намэ 1992: 105].

Еще одно косвенное свидетельство о языке калмаков содержится в «Бабур-намэ», из которого известно, что слово «убийца» у калмаков звучало по-монгольски: «Моложе Султан Махмуд хана был Султан Ахмед хан, известный под именем Алача хан (дядя Бабура 1465–1504). Говорят, будто причина, почему его называли **Алача**, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют **«алачи»**, а так как Султан Ахмед хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли **алачи**; от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» [Бабур-наме 1992: 38].

Алача хан правил в Самарканде. Он мог воевать как с кочевниками-калмаками Дешт-и-Кыпчака и Средней Азии, так и с ойратами. В современном калмыцком языке убийца — алач, в монгольском — алагч, в казахском — kiki елтіруші, в турецком — katil, в узбекском — qotil (котил). Таким образом, в монгольском, калмацком и калмыцком языках слово «убийца» является производным от монгольского и не связано с тюркскими языками.

Есть прочно устоявшееся мнение, что к востоку от Монголии и Алтая все монголы, пришедшие в Дешт-и-Кыпчак, к кон-

цу XIV в. полностью растворились в местной тюркоязычной среде. Есть и достоверные сведения, что предки современных волжских калмыков, ойраты, продвинулись из-за Алтая к западу от Иртыша лишь в начале XVII в.

Между тем имеется значительный ряд неучтенных ранее востоковедами источников, свидетельствующих, что между Волгой и Иртышом со времен Узбек-хана и до прихода сюда ойрат-калмыков проживали кочевники, которых окружающие народы называли «калмаками».

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность, редкость и распыленность сведений о калмаках Улуса Джучи среди широкого круга источников от Западной Европы до Центральной Азии, можно сделать вывод, что тюркские народы этнонимом «калмаки» называли сначала кочевников Дешт-и-Кыпчака, а затем перенесли это название на дербен-ойратов Западной Монголии и Джунгарии. Столь упорная идентификация калмаков и ойратов позволяет предполагать их культурное и языковое родство.

Из этого следует, что не все население Средней Азии и Дешт-и-Кипчака к XV–XVI в., как принято считать, было полностью обращено в ислам, утратило монгольский язык и всецело перешло на тюркский. Калмаки Золотой Орды сохраняли монгольские традиции, язык, культуру и языческую религию.

Расширение круга источников позволяет рассматривать историю калмаков в Средней Азии и на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака до прихода сюда ойратских родов как историю самостоятельного этнического образования, а не историю эпизодических продвижений сюда западно-монгольских (ойратских) племен.

Библиография

Алфавитный список дворянским родам Бессарабской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е января 1901 г. Кишинев, 1901.

Аль-Кашгари. «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») / Пер. с арабского Зифа-Алуа Ауэзова-Эрмерс. Алматы, 2006.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2004. Вып. 6.

Бабур-наме. Ташкент, 1992.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.

Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве: XIII — 60-е годы XVII века: Дис. ... д.и.н. Ставрополь, 2006.

Библиотека иностранных писателей о России / Под ред. В. Семенова. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836.

Васильев Ю.С., Биланчук Р.П., Замараев С.Е. Описание Великого Устюга в устюжской писцово́й книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» // Бысть на Устюзе...: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1974.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.

Гаркавец А. Кыпчакское письменное наследие. Т. I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы, 2002.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.

Дрёмов И.И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Элиста, 2012. Вып. 3. С. 104–117.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.

Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. 17.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста, 2009. Т. 2.

Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // ТОДРА. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 253–256.

Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977.

Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 283–313.

Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1889.

Королёва Н.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.

Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поноалённая в розряд и списанная в книгу в 1627 году. Изд. 2-е. СПб., 1838.

Лапин С.А. Карманный русско-узбекский словарь. Самарканд, 1889.

Летописец Русский (Московская летопись) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. Кн. 3. М., 1895.

Литовская Метрика // Русская историческая библиотека. СПб., 1903.

Маджму ат-Таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Молчанов Н. Жизнеописание Преосвященного Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914.

Мосин А.Г. Словарь уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.

Мунши Мухаммед Юсуф. Муким-ханская история. Ташкент, 1956.

Наджиб Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1975.

Никольский Н. Кирило-Белозерский монастырь и его устройство до второй половины XVII в. (1397–1625). Т. 1, вып. II. СПб., 1910.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.

Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа. Элиста, 2007.

Пачкалов А.В. К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра-Мауро (1459 г.) // *Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia*. XLVI, 1. Venezia, 2007. P. 311–318.

Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. Отделение II. СПб., 1877.

Покровская В.Ф., Летописный свод 1488 г. из собрания Н.П. Лихачёва // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975. С. 28–32.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / Подг. текста Н.М. Рогожина. Махачкала, 1995.

Прокофьев Н.И., Алехина Л.И. Комментарии. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // *Записки русских путешественников XVI–VII вв.* М., 1988.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. 188.

Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. / Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // *Исторические записки*. 1947. № 22. С. 154–160.

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 32.

Сибирские летописи. Рязань, 2008.

Список опричников Ивана XIV. СПб., 2003.

Сторожёв. Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Рязань, 1997.
http://blogs.mail.ru/mail/tamb_kolodin/69E602F56D03BF90.html

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собр. В. Тизенгаузеном. СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды / *Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения*. М.; Л., 1941.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Тупиков Н.А. Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1903.

Усманова М.Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа, 1994.

Утемиш-хаджи // Чингиз-наме [Текст]: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. прим., исслед. В.П. Юдина / Подг. к изд. Ю.Г. Баранова; комм. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-ата, 1992.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. Изд. 6-е испр. М., 2006.

Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди / Пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1996.

Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. L., 1910.